

Третья сила

Автор:

Алексей Смехов

Третья сила

Алексей Смехов

Вот перед вами книга. Ещё закрытая. Не торопитесь открывать её: сначала закройте глаза. Вспомните свои детские сны, подростковые мечтания, добрые сказки: парус корабля на горизонте, блестящую чешую дракона. И теперь можно открывать. Это не просто книга – это ларчик, в котором хранятся под обложкой, словно под стеклом, наши детские чудеса. В любом противоборстве есть третья сила: человечность и внутренний свет, который мы носим в себе детьми и часто забываем о нём, будучи взрослыми. Страницы книги Алексея Смехова заливают этот человеческий свет, мягкий, словно вечернее солнце, тёплый, словно озёрная вода, в которую так хорошо окунуться – и смыть с себя все тревоги. И пусть, читатель, третья сила коснётся и вас.

Алексей Смехов

Третья сила

Стихотворения

© Городницкий А., предисловие, 2020.

© Долгарева А., предисловие, 2020.

© Смехов А., текст, 2020.

* * *

Уменье удивляться

Стихи и стихотворные сказки Алексея Смехова переселяют нас в утраченный радостный мир нашего детства с верой в чудеса и добро. В наше сложное время, изобилующее отрицательными эмоциями, они дают людям надежду, напоминая, что вокруг нас существует прекрасный многоцветный мир природы и добрых сказок.

Меня особенно тронула его «Морская баллада», повествующая о корабельной сосне, которая потом стала мачтой, а когда шторм её сломал, помогла тонущим морякам доплыть до берега, и стала дровами для согревшего их костра.

Автор радуется жизни, красоте окружающей природы, и передаёт это своим читателям. Вот одно из таких стихотворений, которое хотелось бы процитировать целиком:

Какие клёны, боже мой,

Какие свечи.

Листва течёт, как воск живой,

Земле навстречу.

И храм из белых облаков,

В оправе неба,

Висит то грозный, то благой,

Вселяя трепет.

И слёзы каплют с икон

На плечи бора

Под журавлиный перезвон —

Последний, скорый.

А ветер, посланный с небес, —

Неловкий пастырь,

Так дует на горящий лес,

Что свечи гаснут.

Пушистый снег падёт в поля,

Как белый саван.

На отдых просится земля —

Имеет право.

И, переждав лихой мороз

И злую темень,

Весной воспрянет, как Христос

В день воскресенья.

Полвека назад, в дальнем океанском рейсе, я написал песню, где есть такие строки: «Не страшно потерять умение удивлять, – страшнее потерять умение удивляться». Главное для поэта – не удивлять читателя необычными рифмами и метафорами, а передать ему в своих стихах радостное удивление окружающим миром, убедить его, что, несмотря ни на что, добро всё-таки побеждает зло, и жизнь прекрасна. Именно это и делает Алексей Смехов в своих лучших стихах, свидетельствующих о его безусловном поэтическом таланте. К ним относятся, например, такие, как «Вьюга», «Золотая рыбка», «Сиятельный август», «Луговые цветы», «Свеча», и многие другие. Да и по части метафор у него нет проблем.

Пожелаем поэту долгих творческих лет, пока «У него в росинке Солнышко дрожит».

Александр Городницкий

Две реальности Алексея Смехова

Романтическая поэзия – это не всегда и не только поэзия о любви. Любовную поэзию называют романтической часто, хотя это всё-таки разные жанры.

Но, говоря о романтической поэзии, я имею в виду другое. Чистоту и ясность, узнаваемые сказочные образы, вечное добро, побеждающее зло – всё то, что ищут в книгах не только подростки: в первую очередь, это взрослые люди, в которых внутренний ребенок заявляет о себе громким голосом; взрослые люди, не позабывшие о своих детских мечтах. Приключение и сказка, торжество справедливости, дыхание добра – вот она, романтическая литература. И если подобной прозы немало написано, по крайней мере, в девятнадцатом веке, то романтическая поэзия двадцать первого века – явление редкое и драгоценное. И вот его-то и раскрывает в полной мере в своей книге Алексей Смехов.

Мечты о далёких дорогах и приключениях, полные любви к природе пейзажные зарисовки, добрые баллады – вот про что эта книга. Доброта – это то, что наполняет её. Даже извечный, казалось бы, сюжет, о принцессе, которая полюбила пажу: он должен закончиться тем, что несчастному влюбленному отрубят голову, а принцесса выйдет замуж не по любви, но Алексей Смехов перечеркивает этот паттерн:

«Не знаю сам, зачем я врал, ведь всё наоборот:

Король, услышав скрипача, открыл от счастья рот.

По вечерам совместные концерты в си-бемоль

Играет дружная семья: принцесса, паж, король».

Рыцарь примиряется с драконом, а принцесса – с ними обоими. Белая ворона улетает к какаду и, снискав славу и успех, возвращается в родной лес, после чего её уверенность в себе делает её прямой и там. Мальчик Саша носит дракона внутри себя и раз за разом побеждает его. Парнишка с ДЦП по ночам

воюет с троллями и порождениями тьмы – и эта реальность более реальна, чем та, где «тело – лишь глина, застывший давно кувшин». Тем не менее, после долгих боев и в другой реальности начинает разгибаться давно скрюченный палец – а значит, реальности эти переплетаются.

Так переплетаются и реальности Алексея Смехова, в которых нет места злу и несправедливости, и мир, данный нам в ощущениях. Романтизировать последний – то ещё удовольствие. Но Смехов не сдаётся. Его лирический герой вытаскивает на свет божий наивную, прекрасную реальность того внутреннего ребенка, что сидит внутри взрослого человека.

Нам, тридцатилетним, сорокалетним невыросшим детям, нужна такая реальность. Реальность Питера Пэна, остров Неверленд, где мы никогда не постареем, никогда не умрём, и битва добра со злом будет продолжаться всегда.

Анна Долгарева

Стихотворения

«Я хотел бы стать птицей и в небе зависнуть...»

* * *

Я хотел бы стать птицей и в небе зависнуть

Просто так, от предчувствия скорой весны,

Щебетать, не вдаваясь в заумные мысли,

Пересказывать тучам счастливые сны.

Соловьём заливаться в кустах на рассвете,
Или чайкой над Финским заливом лететь,
Первый солнечный луч с ликованием встретить
И опять непрерывно и радостно петь.

Если б мне довелось ещё раз возродиться
И попробовать тело не как человек,
Я сказал бы: Господь, можно стану я птицей,
Чтоб прожить в синем небе отмерянный век.

Чтобы ветер под крылья и солнце в зените,
Чтобы стоя за мной стройным клином неслась,
Я бы лебедем стал, и невидимой нитью
Между мной и тобой возродилась бы связь.

На седьмом, лишь для счастья дарованном небе
Мы б кружили, пока не закончится день,
А потом улетели в созвездие Лебедь
И вписались навечно в небесную сень.

Баллада о паже и принцессе

Жила-была принцесса прекрасная, как сон,
Вокруг неё кружился цветных снежинок сонм.
На севере бескрайнем, быть может, и досель

Есть замок белоснежный, где властвует метель.

Покои в сине-белых, искрящихся тонах

Да инея узоры на каменных полах.

Как в сердце у принцессы, везде прозрачный лёд

В старинном этом замке свой свет холодный льёт.

Но вот к литым воротам подъехал экипаж,

На службу попросился какой-то юный паж.

Имущества немного: каприс был в си-бемоль

Да старенькая скрипка, смычок и канифоль.

И воздух в стылом замке вдруг стал, как неземной:

Играла, пела скрипка взволнованной струной

О южной страстной ночи, о пылком зное дней,

И слушала принцесса, и что-то грелось в ней.

Когда же нестерпимым стал в юном сердце жар,

Лёд растопился в слёзы, но не погас пожар.

А весь огромный замок вдруг начал пропадать,

Колонны стали таять и стены оседать.

Сверкало ярко солнце над головой у них,

Чертоги испарились, огонь внутри не стих.

Куда-то делось платье, растаяло, как дым,

Им бесконечно жарко, безумно молодым.

Нежданно из похода пришёл домой король.

Был паж позорно изгнан, терпел он стыд и боль.

Король принцессу замуж за герцога отдал.

Хоть муж богат и знатен, но он не согревал.

Расплавленное сердце принцесса не смогла

Обратно сделать льдинкой и вскоре умерла.

Но не смолкала скрипка, опять впадала в раж,

Забывать не мог принцессу несчастный юный паж.

В созвездии на небе горят её глаза.

Там кто-то тихо плачет – и падает слеза,

Чертя свой след искристый к пажу на землю вниз.

А скрипка всё играет пронзительный каприс.

Не знаю сам, зачем я врал, ведь всё наоборот:

Король, услышав скрипача, открыл от счастья рот.

По вечерам совместные концерты в си-бемоль

Играет дружная семья: принцесса, паж, король.

Дракон и рыцарь

Взошла принцесса на балкон,

Чтоб посмотреть воочию,

Как бьются рыцарь и дракон

У замка лунной ночью.

Дракон, конечно, символ зла,

Сразить его – отрада.

Принцесса розу припасла

Для рыцаря в награду.

Судьба поставлена на кон,

Но есть одна загвоздка:

Ночами огненный дракон

Любил смотреть на звёзды.

Он крал, как водится, принцесс,

Но унося их к тучам,

Показывал волшебный лес

И гор далёких кручи.

А рыцарь слишком шумно жил,

Любил пиры и драки.

Он, как дракон, везде кружил —

Матёрый забияка.

.

И девушка, упав в кровать,

Задумалась об этом.

Кого тут нужно выбирать —

Загадка для сюжета.

Казалось бы, простой резон:

Бери орла иль решку...

Вот этот – рыцарь, тот – дракон,

А если вперемешку?

Остались в прошлом те века,

Когда всё просто было.

Принцесса спит, она пока

Обоих полюбила.

Морская баллада

В корабельной сосновой роще, где деревья росли, как мачты,

Собирая на верхних иглах мириады горячих звёзд,

Словно свечи святого Эльма на снастях в бесконечной качке,

Возвышалась сосна-мечтатель, ей хотелось сбежать всерьёз.

И, когда появились рядом бородатые лесорубы

И стальным топором звенящим оборвали земной поток,

Улыбалась она беспечно, и гудел где-то рядом в трубы

Светлый ангел, а, может, боцман для неё просвистел в свисток.

И она вознеслась, как шпага, и проткнула тугое небо,

Без коры и без тяжких веток, так возвышенна и стройна,

Что матрос остроглазый Джонни видел рифы с верхушки крепкой,

И арфист океанский ветер говорил, что она – струна.

Так и стала сосна грот-мачтой на пиратском большом корвете,

Чёрный флаг развевался лихо, белый парус тянул вперёд.

Океан и четыре моря повидала она на свете,

А портам, в темноте манящим, потеряла давно уж счёт.

Но однажды, во время шторма, ветер дёрнул в сердцах за струны

И порвались они со стоном, и сорвало её с колков,

И носило три дня по волнам, но гудел где-то рядом в трубы

Светлый ангел, и хмурый боцман выдал пару лихих свистков.

А потом был песчаный берег, на котором встречала юность,

И толпа корабельных сосен обступила со всех сторон,

И запел похоронно дождик, и подругам её взгрустнулось,

И закапали злые слёзы из высоких прекрасных крон.

Моряки, что спаслись на мачте, чтоб согреться, подняли кубок,

Из последних её обломков развели до небес костёр,

В темноте засверкали искры, благодарственно пели губы,

И суровый обычно боцман ненароком слезу утёр.

Светлый ангел летал над ними и гудел восхищённо в трубы,

И почудилась ветру зависть в робком взгляде её сестёр.

Лисёнок

Маленький лисёнок спрашивал у мамы:

– Почему сегодня так чудесно жить?

Почему проснулся я счастливый самый,

Почему в росинке солнышко дрожит?

Мама, посоветуй, что б такого сделать?

От избытка силы хочется скакать!

К яблоку допрыгнуть, что уже созрело,

Совершив четыре в небе кувырка.

Видишь, мама, в лапах стало много силы,

Хвост летит трубою, мягок и пушист.

Посмотри, под солнцем он такой красивый,

Словно бы кленовый, самый рыжий лист.

Как мне сладить с этим счастьем без начала,

Ведь его так много, что в себе не скрыть...

- Это очень просто, - мама отвечала, —

Нужно лес и небо поблагодарить.

Мы погладим травы, приласкаем ветер,

Реку, и деревья, и друзей в лесу.

Тут сказал лисёнок:

- Больше всех на свете

Обнимать хочу я мамочку лису.

Белая ворона

Ворона не была в то время белой,

Но, слушая однажды соловьёв,

Прочистив горло, тоненько запела

Про счастье и безумную любовь.

В ответ на это чёрные вороны

Прогнать решили самозванку прочь:

Её рулады слишком изощрённы

И всем мешали каркать день и ночь.

Тогда она помчалась к свиристелям,

К щеглам, и канарейкам, и дроздам,

Но, несмотря на сладостные трели,

Никто ей лапку дружбы не подал.

И полетела в тропики цветные,

Где в царстве попугаев какаду

Сверкала белизна её отныне,

Как лилия в изысканном саду.

Там было всё прекрасно, и ворона,

Блистая примой, тренькала на бис,

Но, выпив как-то раз воды студёной,

Осипла горлом, и – та-дам! – сюрприз:

Осталось только «кар» в репертуаре,

И примадонну быстренько прогнали.

Вернувшись в стародавние края,

Подумала: вот родина моя,

Где ничего не видно, кроме леса,

Наверняка тут помнят мой дебют,
К тому же я – заморская принцесса
И обрету здесь славу и приют.

Всё получилось, только вечерами,
Прокаркав речь о городах чужих,
Тоскует горло по знакомой гамме
И хриплый голос тоненько дрожит.

В вороньей стае новые порядки:
Все птенчики пытаются запеть,
Выходит иногда довольно гладко,
И чешет ухо вдумчиво медведь.

Дрозды щебечут: если уж ворона
К руладам проявила интерес,
Смогла увидеть звёзды через крону
И к пенью вдохновила целый лес,

То нам подавно нужно быть смелее,
Добавив в трели страсти и огня.

Ворона ищет новые идеи
И танго изучает возле пня.

И чем она становится белее,
Тем больше симпатична для меня.

«Какие клёны, боже мой...»

* * *

Какие клёны, боже мой,

Какие свечи.

Листва течёт, как воск живой,

Земле навстречу.

И храм из белых облаков,

В оправе неба,

Висит то грозный, то благой,

Вселяя трепет.

И слёзы капают с икон

На плечи бора

Под журавлиный перезвон —

Последний, скорый.

А ветер, посланный с небес, —

Неловкий пастырь,

Так дует на горящий лес,

Что свечи гаснут.

Пушистый снег падёт в поля,

Как белый саван.

На отдых просится земля —

Имеет право.

И, переждав лихой мороз

И злую темень,

Весной воспрянет, как Христос

В день воскресенья.

«Рыжей и весёлой мокрой кошкой...»

* * *

Рыжей и весёлой мокрой кошкой

Осень трётся спинкой о стволы:

Ей приятно пошалить немножко —

Воду на прохожих с клёнов лить,

Листья драть, как пёстрые обои,

Разметать их огненным хвостом

И проснуться в марте беспокойном

Вместе с чёрным влюбчивым котом.

Чтоб потом, в порыве бурной страсти

Слившись в переливчатый клубок,

Дать котяткам изумрудной масти,

Как игрушку, первый лепесток.

Пусть сияют чистыми глазами

Под весенний птичий пересвист
И не верят песням мудрой мамы
Про последний облетевший лист.

Это ведь смешно и невозможно —
Старость бесконечно далека.
Рыжей лапкой кошка осторожно
Гладит их зелёные бока.

Вьюга

Эта сумрачная вьюга с переломанной клюкой,
Эта бледная старуха, что поёт за упокой —
Ходит в поле привиденьем, тычет палкой наугад:
Не отбрасывая тени, замечает всё подряд.

Нет, не Дед Мороз весёлый с серебристым посошком —
Вьюга бродит по просёлкам и стучится в каждый дом.
Не Снегурка в синей шубе, беспечальна и легка —
В платье с призрачным раструбом беспощадная пурга.

Страшно детям, страшно взрослым – не высовывай к ней нос:
Ледяным дыханьем скосит, сбросит палкой под откос.
Можно только укрываться за узорчатым стеклом,
На поленья любоваться и смеяться за столом
Над бездомною старухой, что свирепствует в ночи.

Слышишь – стонет завируха или кто-то в дверь стучит?

Открываю – это вьюга сыплет колкий мёртвый снег —

Хорошо, что мы друг с другом, что есть рядом человек,

А не только свист и хохот с придыханьем за окном —

Как ей, бедной, одиноко, и никто не пустит в дом

Неприкаянную старость без надежды впереди:

Что со мной? Должно быть, жалость. Эй, старуха, заходи.

Сядем вместе и повоем о доживших до седин,

Чтоб никто в холодном поле не остался в ночь один.

Чтобы всех, кому там туго, в дом пустили на постой.

На скамью киваю вьюге – грейся, старая, и пой!

«Сегодня бал на небе звёздном...»

* * *

Сегодня бал на небе звёздном:

Куда ни кинешь взгляд – танцор

Коньком серебряным и острым

Творит затейливый узор.

Вот в белом платье фигуристка

Отправилась в изящный лутц —

Сверкает капелькой лучистой,

Пробив завесу чёрных туч.

Вот конькобежец серебристый

Летит небрежно и легко,

И путь его прорезан чисто

Одним немислимым штрихом.

Двойные звёзды в парном танце

Не разомкнут влюблённых рук,

Кометы – вечные скитальцы —

Уходят на повторный круг.

И с каждой выбитою искрой

На Землю падает звезда.

Как Млечный Путь сегодня близко:

Скажите, я не опоздал

На этот импрессионистский,

Сверкающий огнями бал?!

Овцы небесные

Наконец в небе синь – распогодилось,

Там овец-облаков поубавилось.

Видно гнал их пастух ночь без отдыха —

Раскурчавились.

Он решил не пасти тучи чёрные,
А собрал самых нежных и перистых —
Золотою расчёской расчесывал
Под овчарок-ветров свист и пение.

Каждый луч гребешка – как сокровище,
Только серых овец шерсть колючая
Вновь ломает зубцы и приходится
Сильным ливнем с протяжными крючьями
Выдирать шерсть с боков стада вечного,
И слетают клочки к нам на головы,
Но не жёлтые, нежно-беспечные,
А в цвет белого тусклого олова.

Золотое руно не досталось нам,
Морось падает серыми прядями.
Где пастух стриг овец без усталости —
Будет радуга.

«Если в конце тоннеля Всевышний спросит...»

* * *

Раньше иль позже – Бог ведь однажды спросит:
– Сколько чудес ты в жизни земной встречал?

Звёзды над пиком – правда ведь, грандиозно?

Помнишь ли сад у речки и свой причал?

Я удивлённо вскрикну:

– О чём ты, Боже?

Разве не время делать разбор грехов?

Много чего творил, когда был моложе

И оправдаться будет не так легко.

Господи, если можно, даруй прощенье.

Только, прошу, не сильно меня карай.

– Что ты, – ответит, – мне недоступно мщенье.

Если шёл к Богу – значит, увидишь рай.

Жаль, что ты там, внизу, не смотрел почаще

На красоту, что слал я тебе с небес.

Солнце в зенит абрикосом плывёт горячим,

Месяц лимонной долькой на крышу влез.

Видел ли в Красном море мои кораллы,

В чистой воде сверкающие сады?

Как проплывают мимо сокровищ алых

Рыбы, коньки морские и две звезды?

Льва и орла с тельцом я творил отдельно,

Символом вечной славы, как отблеск мой.

Правда, прекрасной я эту Землю сделал?

Был ли влюблённым в жизнь ты хотя б весной?

Чтобы кричать скворцам: «Я сегодня счастлив!» —

И улетать душой с лёгким взмахом крыл.

Жалобы – помню, просьбы – довольно часто.

Я же хотел, чтоб просто благодарил.

Помнил меня и людям прощал от сердца:

Грех – это только занавес или тень,

Что не даёт озябшей душе согреться

Даже в погожий, пышущий зноем день.

Так что с грехами свиток забрось подальше

И опиши-ка запах лесных цветов,

Краски восхода, птиц, на заре галдящих,

И расскажи мне главное – про любовь.

Мечты Дон Кихота

Я приеду в замок твой на Росинанте,

В старых латах,

Весь в заплатах,

Чуть живой.

С головы сниму не очень-то галантно

Медный тазик,

Несуразный

И кривой.

Знает только мой надёжный Санчо Панса,

Сколько мельниц

Я бесцельно

Победил.

Но в сражении всегда бывают шансы

Сделать что-то

Сверх полёта

Жалких сил.

Привезу тебе листок старинной книжки,

А богатства

Я, признаться,

Не снискал.

Дон Кихот – по всем канонам вечно нищий:

Семь сонетов,

Взгляд поэта —

Идеал.

Ты мне скажешь: «Заходи, мой неудачник».

Повлажнеет

Дульсинеи

Чистый взор.

А потом ты почему-то вдруг заплачешь,

Не бриллианты —

Фолианты,

Книжный сор.

– И зачем ты беребишь свой жалкий листик?

Видно карту,
Ординаты,
Чёрный крест.

– Это клад, один идальго бескорыстный

Мне оставил
Всем на зависть
Свой секрет.

– Там сокровищ триста лет уже как нету,

Мой наивный
И невинный
Старый дон.

Хоть однажды притащил ты не сонеты —

Знать, и вправду,
Ненаглядный,
Ты влюблён,

Коль подумал наконец о бедной Дусе

И в скитаньях
Вызнал тайну —
Вот чудной!

Хоть в делах житейских глуп и неискусен —

Ты прекрасен,
Я согласна

Быть женой!

Золотая рыбка

Я, шутя, накрыл рукою

Рыбку жёлтую на дне,

Что дремала преспокойно

В безмятежной глубине.

Рыбка билась под ладонью,

Будто бабочка в плену,

Так стучат сердца влюблённых,

Вспоминающих весну.

Много спрашивать не буду:

Рыбка, что-то я грущу.

Я искал тебя повсюду,

Не каких-нибудь там щук.

Мне не надо трёх желаний,

Ни к чему такая прыть,

Можно мне в одно касанье

Быть любимым и любить?

Персей и Андромеда

Кисловатой долькой мерцает месяц,
Звёздный сахар сыплется в чёрный чай.
Не могу напиться прохладной смесью
Бесконечно древних, как мир, начал.

Заострённым взглядом ищу созвездья:
В небесах таится полно легенд.
Тихий шёпот льётся, и есть надежда,
Что его узнавший – вовек блажен.

Андромеды нежной глухие стоны,
Рёв Кита зловещий, Персея клич.
Но расслышать это дано влюблённым,
Лишь влюблённый может всего достичь.

Защитить принцессу, убить дракона,
Напитавшись силой старинных притч.

Ночной звонок

Звонок в три ночи, вот побудка...

Кого спасти и где горит?

Твой голос в телефонной трубке

Взволнованно мне говорит:

– Ты можешь взять меня отсюда,

Примчаться, не жалея ног?

Мне грустно здесь и очень худо,

И только ты помочь бы мог.

– Держись, бегу, уже в дороге,

Но где искать тебя, кто б знал...

– Я просто дома, на пороге, —

Твой голос тихо мне сказал.

Яга

Пригорюнилась Яга

На крылечке.

Где же ты, Иван-дурак,

Всё на печке?

Заходи на огонёк,

Потолкуем.

Хоть тебе и невдомёк,

Я тоскую.

Баню жарко истоплю

Для начала.

А потом и накормлю

До отвала.

Посидим с тобой вдвоём

Чинно-ладно.

Может, песни попоём —

Всё отраднo.

Вoпpeки календарю

Снег замутиm,

Или солнцем одарю —

Спину крутит.

Коль тебе не приглянусь —

Поправимo:

Хошь, царевнoй обернусь

Раскрасивoй.

Василисою могу

Стать премудрoй.

Не узнаешь в ней кaргу

Даже утром.

Отлежишь себе бока,

Сидя дома.

В лес дорога не близка,

Да знакома.

Люди нас уже с тобой

Позабыли.

Приходи ко мне, роднoй.

Кто здесь, ты ли?

Валентинов день

Акростих

Спутаны тропинки в сказочном лесу,
Нелегко добраться до своей Яги.
Он несёт сердечки, розу, колбасу.
Воют где-то волки, не видать ни зги.
А она колдует десять блюд в печи:
Всех влюблённых праздник, кругом голова...
Может хоть сегодня он в лесной глуши
Ей на ушко скажет нежные слова?
Стук в окно раздался – вечер всё решит.
Так трепещет сердце, Леший, не молчи,
Если есть блаженство – у тебя ключи!

Валентинов день 2

Акростих

С устатку от дороги дальней
Кикимор шёпот в голове:
Ах, Леший, разве можно тайну

Зубастой доверять молве?

Как быть с Ягой нетерпеливой —

А вдруг без ласки пропадёт?

Легко ей, что ли, быть красивой

От рождества в затёртый год...

Жива – и то приятно, хот

ь

Да разве может быть такое?

Абсурд: наш Леший не готов

В день всех влюблённых стать героем,

Но всё же смог из жарких слов

Ей серенаду спеть отлично —

Йага от счастья расцвела.

Настрой был очень романтичным,

А дальше их любовь вела.

Мигая, звёзды в дом глядели.

Ёж спрыгнул с бабкиной постели,

Когда услышал те слова.

День Валентина будет помнить

Она потом ещё лет пять,

Бодриться, улыбаться томно,

Рассвет улыбкою встречать,

А после колдовства дневного

Уютно сядет что-то шить,

Речь Лешего, от слова к слову,
О страсти будет ворошить,
Как модница – свои обновы!

Путешествие муми-троллей

По тёмному лесу идут муми-тролли,
Покинув уютный и солнечный дом.
Тюльпанчик светящийся держат в ладонях —
Хоть страшно и холодно – им нипочём.

В опасном болоте плывут муми-тролли,
На листик кувшинки отряд помещён.
Большой и свирепый, ужасно прожорлив,
К ним тянется Змей, но им всё нипочём!

Снусмумрик пять тактов свои напевает,
Ондатр в философию весь погружён.
Пока бутербродов от мамы хватает —
Для троллей с друзьями всё-всё нипочём!

А после на небо глядят муми-тролли:
Комета к земле мчится с красным хвостом,
И высохло море, и звери примолкли —
Но мама спасёт – всё-всё-всё нипочём!

Малыш и Карлсон

Малыш, привет! Который год на крыше

Не слышен лёгкий стук твоих шагов,

И без варенья сладкого из вишен

Мне трудно долететь до облаков.

Ты стал ужасно умным и серьёзным,

Твой бизнес процветает и растёт.

На подчинённых смотришь очень грозно,

Нахмурив брови, требуешь отчёт.

Щенка купить родителей не просишь,

Всё можешь сам – возиться недосуг.

Давно не задаёшься уж вопросом,

Когда влетит в окошко старый друг...

Весь график жизни до минут поделен,

Чтоб не пролить финансовый поток.

А помнишь, раньше как ты был затейлив,

Когда мы доводили Фрекен Бок?

Играли в привидение на крыше,

Воров гоняли в белой простыне.

Ах, если бы ты знал, как часто вижу

Картины эти в беспокойном сне.

Я помню вкус тех пончиков с ванилью,
Тефтелек, что ты с кухни мне таскал.
Смеялись громко Кристер и Гунилла,
И мне смешно, но вот сейчас – тоска.

Ты вырос, парень, я – один на свете.
Пропеллер цел, да не к кому летать...
У вас с Гуниллой скоро будут дети.
Малыш, скажи, могу ли хоть мечтать,
Что ты отпустишь их играть на крышу,
Что будешь в детской открывать окно?
Уткнулся в цифры и меня не слышишь,
А я упрям и верю всё равно.

Пряха

Нам волшебный ковёр судьбы
Вьёт по ниточке пряха Жизнь,
Где все «если бы да кабы»
По ворсинке в одно сплелись.
В кружевную тончайшую вязь
Из желаний и замыслов нить
То спокойно, то, вдруг торопясь,
Ухитряется соединить.

Там надежды есть розовый цвет,

И потери легли, словно тьма.

Бескорыстной любви яркий след

И разлук сине-серых кайма.

Из горячих цветистых страстей

И речей незатейливых наших,

Где изысканнее, где грубей,

Пряха ткёт, её почерк размахист.

И далёк, и широк её взор —

Только лишь на большом расстоянии

Разглядеть сможем дивный узор,

Там, где нитки мы видели ранее.

«Скажите, в этом магазине...»

* * *

Скажите, в этом магазине

Почём бриллиантовые зимы?

Почём янтарные закаты,

Что видел осенью когда-то?

Вон те жемчужные росинки,

Похожие на две слезинки,

Я здесь, за ширмочкой, примерю...

– Вам всё идёт.

– Да-да, я верю.

Скажите, чем мне расплатиться

За серебристый свист синицы,

За изумруд листвы весенней,

Что прибавляет мне веселья?

И золота в небесном блюде

Бесплатно можно ли коснуться?

– Да, да, у нас тут всё возможно,

Но только будьте осторожны.

Едва касаясь, без нажима,

Примерьте всё, пока вы живы —

Мы лишь на вынос не торгуем.

– Вот потому я и тоскую.

«Зачем преумножать страдания...»

* * *

Зачем преумножать страдания,

Печали, беды и терзания —

Уж лучше их делить на семь.

На семь ветров, на семь тропинок,

На семь цветов и радуг спины,

Чтоб растворились, нас покинув,

Совсем.

А счастье видеть рыжей точкой

И раздувать, как уголёчек

От негасимого костра.

Чтоб, превратив в большое пламя,

Носить, как радостное знамя,

И солнце пело вместе с нами

С утра.

«Чёрной скатертью застлано небо...»

* * *

Чёрной скатертью застлано небо,

В середине разлит Млечный Путь,

Звёзды – крошки вселенского хлеба

На рассвете кто может стряхнуть?

И по-прежнему людям неясно,

Для кого был накрыт этот стол,

Кто в короне созвездий прекрасных

Дочь Луну возводил на престол.

Кто планеты, как люстры, развесил,

И кому в синий ковш Водолей

Наливает, изящен и весел,

Росы чистых небесных полей?

Кто могучий, большой, неизвестный

Ставит ногу на вечный порог,

Зажигает гирлянды созвездий,

Украшает небесный чертог?

Кто кометы шутя запускает —

Пташек с длинным хвостом, но без крыл.

Астероидов радостной стае

В бесконечность кто двери открыл?

Кто заставил вращаться светила,

Нашу Землю кто выдумать смог,

Чтоб счастливая жизнь зародилась

Как космической песни итог?

Белый ветер

Я поймал белый ветер

И облеплен весь пухом,

Что украден был с веток

Майским влюбчивым духом.

Я впитал запах вербы

И черёмухи нежной —
Замираю, неверный,
Пред фатой белоснежной.

А увидев тюльпаны,
Не прождав и минутки,
В них влюбляюсь, но странно:
Не забыть незабудки.

Сто цветков – сто дилемм:
Очарован нарциссом...
Нет, я верен – но всем,
Кто весной бродит в мыслях.

Весенний шум

Рябина на лазурном фоне,
Подставив солнцу тонкий бок,
В мечтах о птичьем перезвоне
Капели пьёт бодрящий сок.

Дождя целительные слёзы
Стекают мягко по ветвям
Прелестной девушки-берёзы,
Открытой всем семи ветрам.

Изящная фигурка ивы

О листьях плачет у пруда,

Обнажена и молчалива

И беззащитно молода.

Ещё чуть-чуть – лесные сёстры

В такой оденутся наряд,

В такую шёлковую россыпь

И нежно так заговорят,

Что снегом сдавленные души

Расправятся до облаков

И будут впитывать и слушать

Звучащую везде любовь.

А уж, когда в беседу листьев

Вольются трели соловьёв,

Напев скворцов и свист синицы,

Рулады звонкие щеглов, —

Поймём, что всё это не снится:

Весенний шум пришёл к нам вновь.

«Не любит бедности красавица...»

* * *

Не любит бедности красавица —

На почку взор кидает царственный,
И чёрный клювик превращается
В лист изумруда беспрепятственно.

Короной ландышей увенчана
Весна – мечтательная женщина.
Глядит зелёными глазищами,
И короли с ней рядом – нищие!

Луговые цветы

Отчего я от счастья
Разрываюсь на части,
Как щенок на дворе?
Оттого, что ромашка
Вместе с клевером-кашкой
Показались в траве.

Оттого, что сирени,
Лиловея весенне,
За собою влекут
В необъятное лето,
В царство песен и света,
В жизни тёплую суть.

А нужна-то лишь малость,

Чтобы в сердце стучалась

Радость тёплым ключом:

Одуванчики в поле

Разлетелись на волю —

Так чего же ещё?

Уплывают печали:

Горечавка качает

Темно-синей главой

С жёлтой радостной точкой

В центре зыбкой, непрочной

Глубины теневой.

И в лазоревой выси

С ярким кругом лучистым

Точно те же цвета.

В васильках и душице,

В иван-чае пушистом

Есть небес красота.

Луговые, простые,

Не боюсь я простынуть,

Растянувшись в траве.

И звенит колокольчик,

Всё синее и звонче —

Детства добрый привет.

Хризантемы и розы
Любят гордые позы
В самых первых ролях.
Мне милее ромашки,
Да и сам я – букашка
В необъятных полях.

Наслаждаюсь неспешно
Каждым листиком вешним,
Каждой каплей росы...
А склюёт коли птица —
Мне сейчас же приснится
Неба звонкая синь...

За час до рассвета

Так хочется бродить по сонным улицам
И разгонять туман на небе палками,
Чтоб посмотреть на шпиль, там, где целуются
Корабль с луною: эх, не видно – жалко мне.

В саду Никольском разгулялись ясени,
В обнимку с ними ходят липы стройные,
Мечтают о возвышенном, ну ясно же,
Что разговоры их благопристойные.

Эх, ноченька, что ты со мною сделала,

Ночь питерская, светлая и странная:

Куда ни посмотрю – там запредельное,

Да и сама ты нынче так желанна мне!

Мосты, влюбившись утром, снова сходятся,

Атланты на Дворцовой не сутулятся:

Ведь ночью белой сладостна бессонница,

Туманом, как духами, дышат улицы.

«От Петербурга к Ленинграду...»

* * *

От Петербурга к Ленинграду,

Где с небом речь ведёт Нева,

Где чаек крик – моя отрада,

Весь день брожу по островам,

По строгим, как стрела, проспектам,

По выгнутым, как лук, мостам

И город мой, как мудрый лектор,

Знакомит с прошлым – не отдам

Судьбой дарованное место

В партере гулких мостовых,

Где ежедневно слышу вести

Ветров суровых от Невы,

Неугомонный зов волны,

И шёпот гордой старины.

Таинственный лес

Вместо серых хрущёвок, взглянув из окна,

Он увидел таинственный сказочный лес,

Лишь рванулся за дверь – и сошла пелена,

Весь волшебный пейзаж за секунду исчез.

А на следующий день лес явился опять,

И он прыгнул в окно, благо первый этаж,

Но успел лишь заметить, как листья летят,

И деревья мерцают, как будто мираж.

Лишь мгновение слушал, как пел соловей,

Как томительно страстно мотив выводил,

И отчётливо понял: жалея не жалея,

В новый мир не попасть в старом круге светил.

И зажил прежней жизнью, но вечно искал

За изнанкой обыденной серой канвы

Ту прозрачность, тот ласковый тёплый накал

Изумрудной, с прожилками солнца, листвы.

Но однажды в простом подмосковном бору
Он услышал знакомый чарующий свист,
И помчался вперёд, но трясина вокруг
Потянула безумца неистово вниз.

Вот по пояс, по грудь, подбородок поднял:
Будто тяжкие гири на дно волокут,
И почудился звон, словно чистый бокал
Отдавал ему гордый последний салют.

И стремительный конь показался вдали,
Вот он ближе и ближе, на помощь летит,
Чуть касаясь хрустальным копытом земли,
Выбивает победный и радостный ритм.

Вот становится рядом, и тот, кто тонул,
Смог забраться на спину лихого коня,
И загадочный лес их к себе притянул,
И вобрал в свою ширь, непрерывно звеня.

И слышался голос: мы рады тебе,
Много раз ты нас видел, пытался войти,
И руками срывал покрывало с небес,
Потому что лишь вера поможет в пути

В наш таинственный мир, где поют соловьи
О неслышной за будничным шумом любви.

Благодаренье

Закат безумствует над нами.

Сливается цветок костра,

Его оранжевое пламя —

С тем алым, что несёт заря.

За это дивное мгновенье,

За свет небесный и земной

Я говорю: «Благодаренье»

Тому, кто вечно надо мной.

Кто есть основа и причина

Тепла, заката и огня.

Кто создал реки и долины,

Кто бережёт всю жизнь меня.

За шум волны и птичье пенье,

Росу на травах поутру —

Я говорю: «Благодаренье,

За всё, за всё благодарю!»

Кентавры

Эскадроны рубили друг друга, и павшие люди,

Отделившись от тел, собирались в последний свой путь:

Кто-то в рай, кто-то в ад – непонятно, что с душами будет;

Ну а лошади, сбившись в табун, их пытались вернуть.

Закружили вокруг, предлагая скакать снова вместе,

С ездоками своими погибшими слиться стремясь.

Долго рыскали в поле, а после – ушли в поднебесье,

И летела на Землю с копыт от войны этой грязь.

В заповедном раю, на возвышенной альфа-Центавре —

Заливные луга под сиянием сказочных лун,

И не кони уже, а прекрасные ликом кентавры

Скачут счастливо вместе, и каждый божественно юн.

Сверху мальчик, а снизу – игривый смешной жеребёнок,

Наконец-то мечта о единстве на небе сбылась,

Обитающий в теле весёлый и чистый ребёнок

Лишь теперь сознаёт до конца эту вечную связь.

А когда он на землю вернётся для новых открытий

И опять кто-то в хаки погонит его на войну —

Он не станет с размаху рубить эти тонкие нити,

Меж людьми и конями не сможет порвать ни одну.

Постепенно поймёт, что и все мы – такие кентавры:

Разум держит поводья, а тело – норовистый конь.

На чернеющем небе увидит он альфа-Центавру

И мелькнёт, словно вспышка в уме: двуединых – не тронь!

«Бежит по спутанным дорожкам...»

* * *

Бежит по спутанным дорожкам,
Всех умывая не нарочно,
Дождя стремительный галоп,
И капель крохотные ножки
На листьях выбивают дробь.

Семейка дружная лисичек —
Рыжеволосые сестрички —
Под струй весёлый перезвон
Друг друга тянут за косички,
Красуются со всех сторон.

Сияет белый груздь вальяжный,
Свой зонтик чистит рыжик важно,
Налился силой боровик,
И мухомор под шляпкой влажной
Скрывает свой довольный лик.

Всем дождь утеха и отрада,
А я – не гриб, мне солнце надо!

«Люблю смотреть я с грустью затаённой...»

* * *

Люблю смотреть я с грустью затаённой

Кино про бригантину и муссоны,

А в это время прямо за окном

Шальная жизнь опять несётся мимо —

Кобылкой молодой неутомимой

И ржёт беспечно – ей с меня смешно.

Ну что ж – имеет право, я не спорю,

И густо сыплю под компьютер порох

Из пенья птиц и запахов травы.

Пылающий тюльпан к нему приставлю,

И прыгну за окошко, вырвав ставни, —

В далёком поле ждёт меня ковыль.

Сосновая кора слезой смолистой

От радости заплачет, ну а листья

Берёзы станут ласково шептать:

«Мы так заждались, где тебя носило?»

Могучий дуб отдаст частицу силы,

И Бог в меня войдёт и благодать.

А неба нескончаемая милость

Дождя наложит тёплую печать.

Сиятельный август

Созрели колосья в полях, в ноги Августа гнутся,
А он по-хозяйски у яблока трогает бок,
Но облачком серым летит к нам предчувствие грусти:
Дождливый сентябрь скоро ступит на царский порог.

Как тихо печаль в души подданных ныне закралась,
Сиятельный Август.

Ещё славят птицы тебя, не уйдя караваном
От гнёзд опустевших на вечно приветливый юг,
Но тяжесть на сердце легла, хоть, казалось бы, странно:
Тепло и приятно, и ласково солнце – как вдруг

Один жёлтый листик внезапно крадёт эту радость,
Божественный Август.

С монарших щедрот даришь нам ароматные дыни,
И бархатный персик, и сладкий, как мёд, абрикос,
Но всё же земля по ночам как-то горестно стынет,
Не так беззаботны наутро полёты стрекоз.

Тобою дышу, обнимаю и тихо прощаюсь,
Мой царственный Август.

Малина

Неприметное мгновенье:

Лето, озеро, сосна.

Вдруг до головокруженья

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/smehov_aleksey/tret-ya-sila

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)